

"The Bells" by S. Rachmaninoff.

"There are many invisible forms and inaudible sounds in space...

"But only he will convey them... who, having caught only the line of a drawing, only the consonance, only the word,

"The whole with him draws the creature into our surprised world."

November 30, 1913, without a doubt, will be a memorable day for all sincere readers of S. Rachmaninoff's wonderful talent: on this day, at the 4th subscription concert of A. Ziloti, S. Rachmaninoff's new poem "The Bells" was performed for the first time - a work so remarkable and significant that it is worth dwelling on in more detail. Edgar Poe's brilliant ballad, which served as the text for Rachmaninoff's poem (the poem was written for orchestra, choir and soloists), in its equivalent translation into Russian by K. Balmont, with its deep, heartfelt content, surprisingly suits Rachmaninoff's talent. Breaking up into four parts (the composer also divides the poem into four sections, as if expanding the usual framework of a symphonic poem in the generally accepted sense), Poe-Balmont's ballad, in the sonorous, harmonious, and melodious lines of its rhythms, seems to reflect the whole of human life, with its fruitless aspirations, stormy passions, and vain hopes! Here is a serene childhood (I quote in abbreviated form):

"Do you hear, the sleighs are rushing in a row, They are rushing in a row, The bells are ringing with a silvery light ringing, it sweetly languishes our ears, With this singing and humming we talk about oblivion."

Here is a happy youth:

"Do you hear the holy ringing of the wedding bells, Golden One! How much tender bliss is in this young song!"

And there is life itself, full of wild struggle, knowing no mercy:

"Do you hear the howling alarm, As if a copper hell is groaning, These sounds in wild torment, a tale of horrors hardening..."

And finally, the last chord:

"The funeral bell is heard, the long bell! The sounds of bitter sorrow are heard, the sleep of a bitter life is over."

The sound of iron announces the sadness of the funeral!

Sergei Rachmaninoff deepened this tragic text to the limits of possibility, with such inspired and stunning music, which never before had sounded so complete, full, and dramatic in his works. In "The Bells," there is no trace of that dreamy lyricist with soft elegiac penumbras reminiscent of the school of Tchaikovsky, which is what Rachmaninoff was before his First Piano Sonata, the Third Concerto, "The Isle of the Dead," and "Francesca," with its astonishing picture of Dante's hell. These works sharply distinguish the former Rachmaninoff from the present one, who has embarked on the path of an independent master, revealing his inner, deep world more penetratingly, more powerfully. Sincerity and spontaneity have always been close to Rachmaninoff's muse, but that tragically mournful background, the condensed colours of hopeless melancholy and despair, which first appear in "The Isle of the Dead" - are drawn with particular clarity in "The Bells." In Rachmaninoff's new poem, the hopelessly pessimistic passion, impetuosity, and that uplifting tragic quality that is characteristic only of a great artist and the noble heart of true talent. In "The Bells," Rachmaninoff is not only a poet of powerful, stunning moods (Part III in its entirety), he can and wants to be tender and captivatingly beautiful (Part I).

The choir and orchestra of the poem seem to complement each other (especially the third part), the soloists are more episodic.

The composer conducted the entire concert program, in the first section of which “The Isle of the Dead” and the second piano concerto, brilliantly performed by A. Ziloti, were played.
B. Tyunjev.

[Translation: Google]

„Колокола“ С. Рахманинова.

«Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ...

«Но передать ихъ лишь тотъ... кто уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,

«Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданное въ наше міръ удивленное».

30 ноября 1913 г., безъ сомнѣнія, будетъ памятнымъ днемъ для всѣхъ искреннихъ по-С.

Рахмани-читателей прекраснаго таланта нова: въ этотъ день въ IV абонементномъ концертѣ А. Зилоти исполнена впервые новая поэма С. Рахманинова «Колокола»-

произве-деніе настолько замѣчательное и значитель-ное, что на немъ стоитъ остановиться по-подробнѣе. Геніальная баллада Эдгара Поэ, послужившая текстомъ

поэмы Рахманинова (поэма написана для оркестра, хора и соли-стовъ), въ

равноцѣнномъ ей переводѣ, на русскій языкъ, К. Бальмонта, по своему глу-бокому,

проникновенному содержанію, уди-вительно подходитъ къ дарованію Рахмани-нова.

Распадаясь на 4 части (композиторъ также дѣлитъ поэму на 4 отдѣла, какъ бы

расширяя этимъ обычныя рамки симфониче-ской поэмы въ общепринятомъ смыслѣ),

баллада Поэ-Бальмонта, въ звучныхъ, стройныхъ и пѣвучихъ линіяхъ своихъ риѳмъ, какъ бы отражаетъ всю человѣческую жизнь, съ без-плодными стремленіями, бурными страстями и тщетными надеждами! Вотъ безмятежное дѣт-ство 1):

«Слышишь, сани мчатся в рядъ, Мчатся в рядъ, Колокольчики звенѣе Серебристымъ легкимъ звономъ, слухъ нашъ сла-достно томятъ, Этимъ пѣньемъ и гудѣньемъ о забвеньи говорить.

Вотъ счастливая юность:

«Слышишь къ свадьбѣ звонъ святой, Золотой! Сколько нѣжнаго блаженства въ этой пѣсни мо-лодой!

А тамъ и сама жизнь, полная дикой борьбы, не знающая пощады:

«Слышишь, воющей набатъ, Точно стонетъ мѣдный адъ, Эти звуки въ дикой мукѣ, сказку ужасовъ твер-дятъ...

И, наконецъ, послѣдний аккордъ:

«Похоронный слышенъ звонъ, Долгій звонъ! Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни конченъ сонъ.

Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!»

С. Рахманиновъ углубилъ этотъ трагиче-скій текстъ, до предѣловъ возможнаго, такой вдохновенно-потрясающей музыкой, которая еще никогда не звучала въ его твореніяхъ такъ цѣльно, полно, драматично. Въ «Коло-колахъ»-нѣтъ и слѣда того мечтательнаго лирика съ мягкими элегическими полутѣнями, напоминающими школу Чайковского, како-вымъ и былъ Рахманиновъ раньше до своей первой ф-ой сонаты, III концерта.

«Острова Смерти» и «Франчески» съ ея удивительной картиной дантовскаго ада. Эти произведенія рѣзко отграничиваютъ прежняго Рахманинова отъ нынѣшняго, ставшаго на путь самостоя-тельнаго мастера, выявляющаго свой внутрен-ній, глубокий міръ болѣе проникновенно, болѣе сильно. Искренность и непосредственность-всегда были близки музѣ Рахманинова, но тотъ трагически скорбный фонъ, сгущенныя краски безысходной тоски отчаянія, которые впервые появляются въ «Островѣ Смерти» — съ особой рельефностью вырисовываются въ «Колоколахъ». Въ новой поэмѣ Рахманинова съ особой силой звучитъ безысходно песси-мистическая страстность, порывистость и

тотъ возвышающій трагизмъ, который свойственъ только большому художнику и благородному сердцу истиннаго таланта. Въ «Колоколахъ» -Рахманиновъ не только поэтъ сильныхъ, по-трясающихъ настроеній (III часть цѣликомъ), онъ можетъ и хочетъ быть нѣжнымъ и оба-ятельно-прекраснымъ (I часть).

Хоръ и оркестръ поэмы какъ бы допол-няютъ другъ друга (особенно III часть), солисты являются болѣе эпизодическими.

Авторъ дирижировалъ всей программой концерта, въ I отдѣленіи котораго были сыграны «Островъ смерти» и второй ф-ный кон-цертъ, блестяще исполненный А. Зилоти.

1) Цитирую въ сокращеніи.

Б. Тюнѣвъ.